

Ангела
Лав

Мишель
Анри

Пункт 10.1

КОНТРАКТ НА СЕРДЦЕ

Ангела Лав
Мишель Анри
Контракт на сердце Пункт 10.1

<https://litres.ru/74360764>

Аннотация

«Никаких чувств. Никаких претензий. Никакой любви».

Эти три пункта я вписала в брачный контракт собственноручно, когда выходила замуж за Марата Волгина. Он заплатил за моего отца, я подарила ему год спокойной жизни. Честная сделка.

Но он не сказал, что будет приходить по ночам. Я не сказала, что начну его рисовать. А прошлое не сказало, что вернется и ударит под дых.

Когда я ушла, хлопнув дверью, он долго смеялся. Думал, я вернусь, ведь контракт еще не закончился.

Он просто забыл прочитать пункт 10.1.

Книга выходит в рамках литмоба "ФИКТИВНЫЙ БРАК"

Содержание

Глава 1. Точка отсчета	4
Глава 2. Дьявол в деталях	11
Глава 2.2 Подписать?	18
Глава 3. Договор скреплен печатью	24
Глава 3.2 Я не согласна	29
Глава 4. Первый день в клетке	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Точка отсчета

До дна оставалось семь тысяч рублей.

Я сижу на полу посреди пустой съемной квартиры, скрестив ноги, и пересчитываю купюры в третий раз. Семь тысяч триста сорок рублей и три копейки, закатившиеся под батарею. Я даже не стала их выковыривать — просто лень нагибаться за такой мелочью, когда всё внутри уже давно опустилось на самое дно.

Сзади глухо гудит холодильник. Внутри — два яйца, пакет кефира с дырочкой на боку (срок истек вчера, но запах еще терпимый) и кусок твердого сыра, который мама называла «гостинец из прошлой жизни». Я не выкидываю. Я экономлю.

Телефон вибрирует на паркете.

Я даже не смотрю на экран. Знаю. Очередной звонок от очередного «доброго человека», который хочет обсудить задолженность моего отца.

«Обсудить». Какое красивое слово для угроз.

Отец сидит в соседней комнате, и тишина за стеной тяжелее, чем его редкие стоны. Раньше он смеялся. Раньше он реставрировал храмы и особняки, и его имя произносили с придыханием в музейных кругах. Теперь он просто дышит и на этом спасибо. Друг, которому он доверился, исчез с день-

гами. Отец остался с долгами и больным сердцем.

А я осталась с ним.

Встаю, разминая затекшие ноги, и прохожу по комнате. Три шага. Стена. Три шага обратно. Месяц назад здесь стояла мебель, которую я сама собирала из икеевских коробок. Теперь тут эхо и запах чужой жизни.

Коллекторы пришли в прошлую среду. Трое в черных куртках, двое остались в машине на всякий случай, чтобы соседи видели серьезность намерений. Они вежливо объяснили, что мастерской «Соболев и сын» конец, отцу либо долговая яма, либо больница, а мне, Насте, пора бы повзрослеть и перестать играть в Мать Терезу.

«У вас красивый дизайн-проект, Настасья Сергеевна, но на красоте далеко не уедешь».

Я тогда не заплакала. Просто закрыла дверь и полтора часа перебирала отцовские награды, которые успела спрятать у подруги. Не отдала бы и за миллион.

Семь тысяч. Триста сорок рублей. Копейки под батареей. Телефон снова вибрирует.

Я беру его, готовая услышать: «Добрый день, мы из колл-лекторского агентства...»

Но на экране незнакомый короткий номер. Такие бывают у людей, которые не считают семь тысяч последними.

— Анастасия Сергеевна? — голос в трубке женский, вежливый, как у стюардессы из бизнес-класса.

— Слушаю.

— Меня зовут Вера, я помощница управляющего партнера. Мой работодатель хотел бы предложить вам встречу. Конфиденциальную. Вопрос касается... договорных отношений.

Я замираю.

— Простите, кто ваш работодатель?

— Эту информацию я пока не уполномочена разглашать, — голос не дрогнул. — Но, Анастасия Сергеевна, вопрос касается суммы, которая с лихвой покрывает ваши текущие... сложности. Мой работодатель рекомендовал упомянуть отца. И мастерскую.

В трубке повисает тишина.

Я смотрю в окно на серое осеннее небо. Где-то за этими тучами кто-то знает про мои долги, про отца, про мастерскую. Про семь тысяч триста сорок рублей.

Это не совпадение.

— Завтра, — говорю я, хотя сама не понимаю, почему не посылаю эту Веру к черту. — В одиннадцать. Место встречи назначаю я.

— Разумеется. Ждем.

Я сбрасываю. Секунду смотрю на погасший экран, потом открываю «Яндекс.Карты» и выбираю кафе, в котором никогда не была. Захудалое. Маленькое. Без камер, насколько я могу понять. Тут же отправляю адрес Вере.

Если кто-то хочет купить мою жизнь, пусть сперва покажет лицо.

Отец почти не говорит за ужином.

Он ковыряет ложкой гречку, которую я разогрела с тем самым сыром, смотрит в одну точку и молчит. Его руки дрожат. Тот самый человек, который когда-то металлической кисточкой снимал позолоту с куполов и держал столетние иконы так, словно это были младенцы, теперь не может удержать ложку.

— Пап, — тихо говорю я. — Мне предложили работу.

Он поднимает глаза. Мутные. Усталые.

— Какую?

— Не знаю пока. Завтра узнаю.

Отец сглатывает и кивает. Он давно перестал задавать вопросы. Это хуже всего — не его финансовое разорение, а его полное, безоговорочное смирение. Словно внутри щелкнул выключатель, и человек погас.

Я убираю тарелки, мою пол (старый линолеум, не отмывается толком, хоть скреби), принимаю душ в ванной, где вода греется раз в два дня, и ложусь.

Не сплю.

В голове один вопрос: кто?

Кому я понадобилась? Долги отца — три миллиона с копейками. Сумма, которую банки не кредитуют, а коллекторы требуют вчера. Кто в здравом уме предложит мне... что? Сделку? Работу? Кабальный договор?

Вспоминаются старые романы, которые я читала ночами

в институте. Богатый герой, бедная героиня. Он принц , она золушка, любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

Я усмехаюсь в темноте.

— Не смейся, Соболева. Такое только в книжках бывает.

Закрываю глаза и проваливаюсь в тревожный сон, где кто-то в деловом костюме пересчитывает деньги на моей ладони, а я не могу понять — спасение это или ловушка.

Утром я надеваю единственное платье, которое не выглядит как тряпка. Черное, строгое, до колена. Туфли лаковые, с потертостями на мысах. Если не присматриваться , сойдет.

Собираю волосы в пучок. Никакой косметики , только тональный крем, чтобы скрыть синяки под глазами.

В кафе прихожу за десять минут до назначенного времени. Заказываю самый дешевый чай и сажусь спиной к стене, лицом ко входу. Просчитываю маршруты отхода: к черному ходу, через туалет, к окну , если придется разбивать стекло стулом.

Паранойя? Возможно.

Но когда у тебя в кармане семь тысяч на двоих с больным отцом, а какой-то незнакомец знает про тебя всё... паранойя становится интуицией.

Ровно в одиннадцать дверь кафе открывается.

И я понимаю: мои романы были не такими уж выдумками.

Внутри входит мужчина. Нет , не входит. Вплывает. Соизволяет появиться в этом захудалом заведении, как король,

который случайно забрел в хлев.

Высокий. Плечи под пиджаком, который стоит как мой год жизни. Темные волосы зачесаны назад, скулы острые, будто точеные. Глаза холодные, серые, без единой эмоции.

Он смотрит на зал, на двух посетителей, на барную стойку и на меня.

У меня внутри всё сжимается. Не от страха. От отвращения и странного, липкого любопытства, которое я не могу объяснить.

Он скользит к моему столику, не спрашивая разрешения, садится напротив. Запах дорогого парфюма ударяет в нос — смесь кожи, дерева и чего-то опасного.

— Анастасия Соболева, — произносит он низким голосом. Не вопрос. Констатация факта.

— А вы, соответственно, тот, кто знает про мои долги, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Имя у вас есть? Или мне называть вас «мой работодатель»?

Он чуть приподнимает бровь. Единственное движение, которое выдает в нем живого человека.

— Марат. Марат Волгин. Я пришел сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Я медленно выдыхаю.

— Звучит как начало плохого анекдота.

Марат достает из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и кладет на стол между нами.

— Это контракт. Читайте. Вопросы потом. Предупре-

ждаю сразу: я не люблю, когда тянут время.

Я разворачиваю лист дрожащими пальцами.

Первая строка бьет под дых.

«ДОГОВОР о заключении фиктивного брака...»

Я поднимаю глаза. Мужчина напротив не улыбается.

И вдруг за окном кафе, словно в насмешку над моими семью тысячами, сигналит черная «Майбах», припаркованная у обочины.

— Вы шутите, — выдыхаю я.

— Я никогда не шучу, — отвечает Марат Волгин. — Особенно когда на кону ваша жизнь и жизнь вашего отца.

Книга выходит в рамках литмоба "Фиктивный брак"
<https://litnet.com/shrt/z21h>

Глава 2. Дьявол в деталях

Я могла бы встать и уйти.

Прямо сейчас. Пока он сидит напротив и смотрит на меня своими ледяными глазами, в которых нет ни капли сомнения. Пока контракт лежит на столе между нами, и первая его строка все еще жжет пальцы.

Я могла бы взять свой дешевый чай, допить его на выходе и вернуться в квартиру, где на меня снова будут давить тишина отца и стены, которые пахнут отчаянием.

Но я не встаю.

Потому что знаю, что если я уйду, следующая встреча будет с коллекторами. И они не будут такими вежливыми.

— Где будем обсуждать детали? — спрашиваю я, стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

Марат смотрит на меня секунду, другую. Оценивает. Взвешивает. В его взгляде нет ничего человеческого только холодный расчет трейдера, который решил, что актив стоит того, чтобы его приобрести.

— В моем офисе, — говорит он. — Здесь не место для таких разговоров.

Он поднимается из-за стола, даже не взглянув на недопитый эспрессо, который заказал для вида. Бросает на стол купюру, которая в десять раз больше моей семитысячной «подушки безопасности».

— Машина ждет. Едем на моей.

Я не спрашиваю, откуда он знает, где припаркована моя «ласточка» (ржавая «Киа», которую я ласково называю «вед-ром с гайками»). Я не спрашиваю, почему его люди уже со-брали на меня досье. Я просто беру сумку и иду за ним, чув-ствуя, как внутри поднимается тошнота.

На что я соглашаюсь, Настя? На что ты, черт возьми, со-глашаешься?

Офис Марата находится в деловом центре, название кото-рого я слышала только в новостях.

Здание из стекла и бетона нависает надо мной, как моно-лит из другого мира. Когда я заходила в кафе, то надеялась, что мой таинственный работодатель окажется бизнесменом средней руки. Может, владельцем сети магазинов или стро-ительной компании.

Но не этим.

Не человеком, который арендует целый этаж в башне, ку-да обычные смертные попадают только по пропускам с голо-граммой.

Лифт поднимается на двадцать третий этаж в полной ти-шине. Мы не говорим. Марат стоит впереди, спиной ко мне, и я впервые замечаю, что он не просто высокий, он еще и широкий. Пиджак сидит на нем так, словно егошили на за-каз. Что, скорее всего, так и есть.

— Проходите, — голос Веры, той самой женщины-стюар-

дессы, встречает меня в приемной.

Она улыбается дежурной улыбкой и открывает дверь в кабинет.

Я делаю шаг внутрь и понимаю, что в кафе было только приглашением. Сейчас начинается настоящая сделка.

Кабинет Марата — это храм порядка.

Ни одной лишней вещи. Стол черного стекла, за ним кожаное кресло, за спинкой которого открывается панорамный вид на город. Стены — серые, без картин, без фотографий. Даже книг нет. Только ноутбук, селектор и папки, разложенные с геометрической точностью.

Мне почему-то становится не по себе. В этой стерильности нет жизни.

Марат занимает свое место за столом и жестом указывает мне на стул напротив — жесткий, неудобный, явно выбранный для того, чтобы гости чувствовали себя неудобно.

— Садитесь.

Я сажусь. Плечи расправляю, подбородок поднимаю. Я не буду выглядеть жалко.

— Вера, принеси нам кофе, — бросает он, не глядя на помощницу. Та исчезает, прикрывая за собой дверь.

Мы остаемся вдвоем.

Марат открывает папку, лежащую на столе. Внутри документы. Мои документы. Я вижу копию паспорта, диплом об окончании архитектурного, даже квитанции из мастерской

отца.

— Вы уже все про меня знаете, — констатирую я.

— Я всегда изучаю то, что собираюсь приобретать, — спокойно отвечает он.

Приобретать.

Слово бьет по щеке сильнее пощечины.

— Я не вещь, Марат Волгин, — голос срывается на металл. — И не скот на рынке.

Он впервые за весь разговор поднимает на меня взгляд. Не сканирует, а смотрит в упор.

— Анастасия, — говорит он медленно, и в его тоне появляется тень удивления, — вы сами пришли на эту встречу. Сами сели в мою машину. Сами вошли в этот кабинет. Не надо изображать оскорбленную гордость, когда на кону жизнь вашего отца.

Я замолкаю.

Потому что он прав. И от этого еще тошнотворнее.

— Перейдем к условиям, — Марат достает из папки стопку листов, скрепленных скрепкой, и протягивает мне. — Это предварительный договор. Читайте внимательно. На размышления пять минут.

Пять минут на то, чтобы решить судьбу следующего года.

Я беру листы и начинаю читать. С каждой строчкой внутри становится все холоднее.

Пункт 1. Срок действия договора — один год с даты под-

писания.

Один год. Семьсот тридцать дней, если високосный не попадется. Два года с хвостиком в пересчете на мои личные годы потерянной свободы.

Пункт 2. Брак признается фиктивным и прекращается по истечении срока действия договора. Никаких имущественных и нематериальных претензий стороны друг к другу не имеют.

Никаких претензий. То есть если я привяжусь к нему — мои проблемы. Если он меня возненавидит — его проблемы. Мы просто контрагенты.

Пункт 3. Обязательства Стороны-2 (Анастасия Сергеевна Соболева):

— Проживание по адресу супруга. Без права отдельного проживания без уважительной причины.

— Сопровождение супруга на деловых и семейных мероприятиях. Участие в создании образа «идеальной пары».

— Полное соблюдение режима конфиденциальности. Разглашение условий договора третьим лицам влечет за собой штрафные санкции.

— Сохранение безупречной репутации. Никаких скандалов, связей на стороне, порочащих публичных поступков.

Читаю список требований и хочется смеяться или плакать. Я как будто смотрю не брачный контракт, а должностную инструкцию для робота.

— Это все? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо. — А мыть посуду не нужно? Или готовить к вашему возвращению с работы?

Марат не реагирует на сарказм.

— Вы будете жить в моем доме. Прислуга есть. Ваша задача — не домашние обязанности, а создание видимости. Моему деду нужна уверенность, что я нашел настоящую жену.

Дед. Это новое слово пробивается сквозь мою нарастающую злость.

— Ваш дед?

— Единственный человек, чье мнение для меня имеет значение, — тон Марата становится жестче. — Он болен. Сердце. Врачи дают ему год, максимум два. Он хочет увидеть меня устроенным, счастливым и... — пауза, — ...нормальным.

— Нормальным? — переспрашиваю я.

— Он считает, что я слишком много работаю и забываю о жизни. На самом деле я просто не вижу смысла в браке. Но ему этого не объяснишь.

Я смотрю на него и впервые замечаю трещину в ледяной броне. На секунду мне кажется, что под этой маской делово-

го циника сидит уставший, одинокий человек, который просто не знает, как иначе.

Но тут же он снова надевает маску, и трещина исчезает.
— Продолжайте читать, — командует он.

Глава 2.2 Подписать?

Пункт 4. Обязательства Стороны-1 (Марат Константинович Волгин):

— Полное погашение долговых обязательств отца Анастасии С. Соболевой в размере 3 240 000 рублей.

— Рефинансирование и техническая поддержка мастерской «Соболев и сын» на срок действия договора.

— Ежемесячное содержание Стороны-2 в размере 200 000 рублей.

— Предоставление отдельной спальни и личного пространства в соответствии с условиями договора.

Я перечитываю последний пункт три раза.

Отдельная спальня.

Это что — он не собирается со мной спать? Или отдельная спальня нужна ему, чтобы я не путалась под ногами?

Глупый вопрос, конечно. Этот мужчина, который смотрит на меня как на статью расходов, вряд ли способен на что-то большее.

— Отдельная спальня? — все равно уточняю я.

— Я не собираюсь делать вид, что наш брак настоящий в

спальне, — отрезает Марат. — Мы не любовники. Мы деловые партнеры.

Деловые партнеры, которые носят обручальные кольца. Звучит как рецепт катастрофы.

— Дальше есть пункт о близости? — я стараюсь, чтобы голос звучал нейтрально, но внутри все кипит.

Марат смотрит на меня так, словно я спросила, не хочет ли он жениться на мне по-настоящему.

— Пункт 4.7, — сухо говорит он. — «Любые интимные отношения между сторонами возможны только по взаимному согласию и не являются обязательством по данному договору».

По взаимному согласию.

Я мысленно ставлю галочку, что секса не будет. С этим человеком точно. Он меня бесит, унижает и рассматривает как купленный товар.

— Читайте дальше, — торопит Марат.

Я дочитываю до конца. Штрафные санкции, неустойки, пункты о конфиденциальности, пункты о досрочном расторжении. Везде деньги. Деньги и контроль.

Ни слова о чувствах. Ни слова о человеческом отношении.

Но внизу, в самой последней строке, мелким шрифтом, то, что заставляет меня замереть.

Пункт 10.1. В случае одностороннего отказа Стороны-1 от выполнения условий договора без уважительной причи-

ны, сумма, подлежащая выплате Стороне-2, увеличивается вдвое. В случае нарушения Стороной-2 условий конфиденциальности или публичного порочащего поведения Сторона-2 выплачивает штраф в размере 5 000 000 рублей.

То есть. Если он меня выгонит, он заплатит. Если я ляпну что-то не то подруге, я должна буду заплатить.

— Вы серьезно? — поднимаю я глаза. — Пять миллионов штрафа за то, что я кому-то расскажу правду?

— Вы будете жить в моем доме, — говорит Марат спокойно, словно объясняет ребенку прописные истины. — Вы будете присутствовать на моих деловых встречах. Вы будете знать вещи, которые не предназначены для чужих ушей. Конфиденциальность — это не прихоть, это требование безопасности.

— Моей безопасности или вашей?

— И той, и другой, — он делает паузу. — Поверьте, Анастасия, есть люди, которые хотели бы использовать вас как рычаг давления на меня. Ваше молчание защитит нас обоих.

Я молчу. В его словах есть логика. Но от этого не легче.

— У меня есть вопросы, — говорю я после долгой паузы.

— Слушаю.

— Что будет после года? Я просто исчезну из вашей жизни, и мы сделаем вид, что ничего не было?

Марат склоняет голову набок. Смотрит на меня с любопытством, словно я новый экспонат в его коллекции.

— После года будет развод. Вы получаете оговоренную сумму и полную финансовую независимость. Я получаю свободу. Дед к тому моменту... — он не договаривает, но я понимаю.

Дед умрет.

Это жестоко. Мерзко. Но я не могу не заметить, что в его глазах мелькает что-то похожее на боль.

— Второй вопрос, — продолжаю я, стараясь не смотреть на это. — Моя мастерская. Вы сказали «рефинансирование и поддержка». Что это значит конкретно?

Марат открывает другую папку синюю, с гербом его компании.

— Ваш отец — гениальный реставратор, — говорит он неожиданно мягко. — Я изучил его работы. Они впечатляют. Мастерская «Соболев и сын» не должна закрыться. Я вложу деньги в ремонт оборудования, в рекламу и в найм дополнительных сотрудников, если это потребуется.

— Вы это делаете из альтруизма? — усмехаюсь я. — Или потому, что вам выгодно?

— И то, и другое, — не моргнув глазом, отвечает Марат. — Вы будете моей женой. Репутация жены влияет на репутацию мужа. Успешная мастерская — это плюс к имиджу. Обанкротившаяся — минус.

Логично. Чудовищно, цинично, логично.

— Вы все продумали, — говорю я, и в голосе звучит что-то похожее на восхищение. Не им, а его способности про-

считывать каждый шаг.

— Я всегда все продумываю, — отвечает Марат. — Поэтому я там, где я есть, а вы здесь.

Наступает тишина.

Он ждет моего ответа. Я чувствую, как время растягивается, как каждая секунда давит на плечи.

Я смотрю на контракт. На условия. На сумму долга, которая превращает меня в собственность этого человека на целый год.

Что я теряю?

Свободу? У меня и так ее нет. Отец болен, денег нет, кол-лекторы звонят каждый день. Я и так в клетке. Просто эта клетка больше и дороже.

Что я получаю?

Спасенного отца. Возрожденную мастерскую. Шанс когда-нибудь забыть запах дешевого кефира и звук собственного голоса, когда я говорю «у нас нет денег».

— Я согласна, — говорю я, и голос не дрожит.

Марат медленно кивает. Без улыбки, без облегчения. Просто ставит галочку в своем списке.

— Вера принесет ручку, — говорит он. — Подпишите здесь, здесь и здесь. Завтра документы поступят в ЗАГС. Через неделю церемония.

— Через неделю? — я не успеваю переварить эту скорость.

— Зачем тянуть? — Марат поднимается из-за стола и подходит к панорамному окну. Смотрит на город сверху вниз. — У моего деда завтра день рождения. Я хочу сделать ему подарок.

Я смотрю на его спину. Широкую, напряженную. И думаю: какой же ты одинокий, Марат Волгин. И как же я тебя ненавижу за то, что ты прав.

Вера приносит ручку. Дорогую, с золотым пером.

Я беру ее. Пальцы не слушаются.

Раз, два, три.

Подписываю.

Дьявол в деталях.

А я только что продала душу самому красивому дьяволу, которого когда-либо видела.

Глава 3. Договор скреплен печатью

Подписание брачного контракта назначили на следующий день в десять утра.

Я не спала всю ночь.

Лежала на своей продавленной кровати, смотрела в потолок и перечитывала в голове пункты контракта, которые успела сфотографировать на телефон, пока ехала домой в такси, оплаченном Маратом. Водитель вел машину так, будто вез хрусталь. До сих пор помню его лицо, когда я назвала адрес своего района.

— Точно туда? — переспросил он.

— Точно.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на огни города, который когда-то казался мне родным, а теперь стал чужим. Слишком дорогим. Слишком недосягаемым.

Отец уже спал, когда я вернулась. Я не стала его будить. Что я могла сказать? «Пап, я выхожу замуж за миллионера, чтобы спасти нашу мастерскую. Не волнуйся, это ненадолго».

Он бы не понял. Вернее, понял бы слишком хорошо и умер бы от стыда.

Утром я встала затемно. Выбрала то же черное платье, другого просто нет. Туфли начистила, чтобы блестели. Волосы распустила, пусть видят, что я не только умею соби-

рать пучки.

Перед выходом зашла в комнату отца.

Он сидел на кровати, обхватив колени руками, и смотрел в одну точку. Мне показалось, что за ночь он постарел еще на десять лет.

— Пап, — я подошла и села рядом. — Все наладится. Обещаю.

Он повернул ко мне голову. В его глазах — пустота.

— Настя... ты ничего плохого не делаешь?

Вопрос ударил под дых. Я отвела взгляд.

— Все будет хорошо, пап. Просто поверь мне.

Отец долго молчал. Потом кивнул. Осторожно, словно боясь, что я рассыплюсь, погладил меня по голове.

— Ты у меня умница, — сказал он тихо. — Самая хорошая дочь на свете.

Я поцеловала его в щеку и вышла. Если бы я осталась еще на секунду, то разревелась бы.

А плакать перед Маратом Волгиным я не собиралась.

Офис встретил меня стерильной тишиной.

В этот раз меня проводили не в кабинет Марата, а в переговорную — огромную комнату со стеклянными стенами и длинным столом из темного дерева, за которым могло разместиться человек двадцать. Сейчас там сидели четверо.

Марат во главе стола, в черном костюме и белой рубашке без галстука. Рядом с ним двое мужчин в строгих костю-

мах, с одинаковыми выражениями лиц «мы видели все и нас ничем не удивить». Третий женщина-юрист лет пятидесяти, с острым взглядом и уложенными в идеальную прическу седыми волосами.

Меня никто не встретил. Никто не поднялся, не улыбнулся, даже не кивнул.

Я села на свободный стул напротив Марата. Между нами лежала стопка документов толщиной с мой институтский диплом.

— Анастасия Сергеевна, — женщина-юрист пододвинула ко мне папку. — Меня зовут Елена Викторовна, я представляю интересы господина Волгина. Сегодня мы проводим финальное согласование и подписание брачного договора, а также дополнительных соглашений о конфиденциальности.

— А мои интересы кто представляет? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

На секунду в комнате повисла тишина.

Мужчины-юристы переглянулись. Елена Викторовна чуть приподняла бровь.

— Вы можете пригласить своего адвоката, если пожелаете, — сказала она ледяным тоном.

Своего адвоката. На какие шиши?

Марат молчал. Его взгляд был прикован к ноутбуку — он что-то печатал, явно делая вид, что происходящее его не касается.

— У меня нет адвоката, — признала я. — Но я буду читать

каждую страницу медленно и задавать вопросы.

Елена Викторовна взглянула на Марата, тот едва заметно кивнул, не отрываясь от экрана.

— Как пожелаете, — процедила она.

Чтение заняло сорок минут.

Я переворачивала страницу за страницей, вчитываясь в каждую формулировку. Юристы смотрели на меня с легким презрением, очевидно, привыкли, что девушки в моем положении подписывают всё, не читая.

Но я читала.

И с каждой страницей понимала, насколько Марат Волгин параноик.

Пункт 7.3. *«Сторона-2 обязуется проходить медицинское обследование раз в три месяца для подтверждения отсутствия заболеваний, которые могут повлиять на репродуктивное здоровье или создать угрозу для здоровья Стороны-1».*

— Это еще зачем? — спросила я, отрываясь от текста.

— Меры предосторожности, — ответила Елена Викторовна. — Господин Волгин не может рисковать своим здоровьем.

То есть это я угроза его драгоценному здоровью.

— Ладно, — сжала я зубы. — Дальше.

Пункт 9.1. *«Сторона-2 не имеет права посещать общественные места в состоянии алкогольного или наркотического

го опьянения, участвовать в скандалах, давать интервью без согласования с Стороной-1 или его представителями».*

— Интервью? — усмехнулась я. — Вы всерьез думаете, что кому-то понадобится брать у меня интервью?

— В нашем положении, — подала голос Елена Викторовна, — лучше предусмотреть всё.

В нашем положении. Она сказала это так, будто мы с Маратом одна команда. Как будто я не нанятый персонал, а полноправный партнер.

Пункт 12.4. *«В случае беременности Стороны-2 в период действия договора, вопрос об отцовстве решается путем генетической экспертизы. При подтверждении отцовства Стороны-1, Сторона-2 обязуется подписать дополнительное соглашение об алиментах и условиях воспитания ребенка».*

Я замерла.

Беременность. Ребенок. Они всерьез прописали в договоре, что делать, если я забеременею. Мой живот сжался от одной мысли: ребенок от этого человека.

Представляю вам еще одну книгу литмоба "Фиктивный брак" <https://litnet.com/shrt/D9VP>

Жена по контракту. Запрет на любовь. Diva <https://litnet.com/shrt/RfTK>

Глава 3.2 Я не согласна

Маленький, холодный, расчетливый.

— Этого не случится, — сказала я, глядя прямо на Марата.

Он впервые поднял глаза от ноутбука. Посмотрел на меня. Молча. Без эмоций.

— Пункт останется, — сказал он.

— Я не собираюсь рожать от незнакомца.

— Пункт останется, — повторил он, и в голосе слышался металл.

Я отвела взгляд. Спорить бесполезно. Этот человек прописал все, включая то, как я должна дышать.

Мы дошли до конца. Оставалось только подписать.

Я взяла ручку. Золотую, как и вчера. Елена Викторовна показала, где ставить подпись: на каждом листе, на каждой копии. Всего получилось двенадцать листов. Двенадцать раз я должна продать себя.

Первый лист. Второй. Третий.

Марат не смотрел. Он снова уткнулся в ноутбук, и это было даже оскорбительнее, чем если бы он следил за каждым моим движением. Я подписываю договор с ним, а ему плевать. Я — просто формальность. Документ, который нужно закрыть.

Четвертый. Пятый.

В комнате тихо. Юристы застыли, как изваяния. Даже дыхание стараются не издавать.

Шестой. Седьмой.

Моя рука дрожит, но я не останавливаюсь. Я думаю об отце. О мастерской. О том, что если я сейчас встану и уйду, то никому от этого не станет легче. Только хуже.

Восьмой. Девятый.

И вдруг я останавливаюсь.

Последний лист. Не тот, где точка в конце, а тот, где мелким шрифтом перечислены мои личные активы. Вернее, их отсутствие. В договоре сказано, что все мои интеллектуальные права на проекты, созданные до брака и во время него, переходят в общую собственность супругов.

— Нет, — говорю я.

Тишина в комнате становится осязаемой.

— Простите? — Елена Викторовна чуть наклоняет голову.

Я поднимаю глаза на Марата. Он по-прежнему смотрит в экран, но я замечаю, что его пальцы перестали печатать.

— Вот здесь, — я тыкаю пальцем в абзац. — «Все объекты интеллектуальной собственности, созданные Стороной-2 как единолично, так и в соавторстве... переходят в режим общей совместной собственности». Я не согласна.

— Анастасия Сергеевна, — вмешивается один из юристов, мужчина с ботоксным лицом, — это стандартная фор-

мулировка...

— Мне плевать, стандартная или нет, — перебиваю я. — Мои архитектурные проекты — это единственное, что у меня есть, кроме отца. Я их создала до того, как узнала о существовании вашего работодателя. И я не собираюсь отдавать их в общую собственность. Он же не вкладывает в общую собственность свои активы.

Я смотрю на Марата в упор.

Он медленно поднимает голову.

Его серые глаза впервые за все время смотрят на меня не как на актив и не как на документ. В них появляется что-то новое. Любопытство? Удивление? Не знаю. Но это первая живая эмоция, которую я вижу на его лице.

— Вы понимаете, что торгуетесь из-за пункта, который вряд ли когда-нибудь принесет вам деньги? — спрашивает он тихо.

— Я не торгуюсь, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я защищаю то, что я создала. Может быть, мои проекты никогда не окупятся. Может быть, они никому не нужны, но они мои и вы не имеете права их забирать.

Марат молчит. Секунду. Другую. Третью.

Потом переводит взгляд на Елену Викторовну.

— Уберите этот пункт, — коротко бросает он.

— Марат Константинович, но формулировки...

— Я сказал: уберите, — голос становится жестче. — Добавьте отдельное соглашение о том, что все права на интел-

лектуальную собственность Анастасии Сергеевны принадлежат ей единолично. Исключительно.

Юристы зашуршали бумагами. Елена Викторовна с каменным лицом принялась вносить правки в документ.

Я смотрю на Марата. Он снова уткнулся в ноутбук, словно ничего не произошло.

Но я заметила.

На секунду, когда я сказала про свои проекты, его губы чуть дрогнули. Не улыбка. Что-то другое. Признак того, что я его зацепила.

Он снова повернулся ко мне.

— Анастасия, — произнес он мое имя так, будто пробует его на вкус. — Вы первая, кто спорит со мной из-за пункта, который мне ничего не дает.

— А вы первый, кто пытается украсть у меня то, что я создала своим умом и руками, — парирую я.

Он смотрит на меня долго и внимательно. Слишком долго.

Потом отворачивается.

— Подписывайте, — бросает он.

Я подписываю оставшиеся листы.

Десятый. Одиннадцатый. Двенадцатый.

Когда я ставлю последнюю подпись, рука почти не дрожит.

Марат берет свою чёрную, матовую, без единого блика

ручку и ставит подпись под каждым экземпляром быстро, четко, без запинки.

Он подписывается так же, как дышит, словно это не требует усилий.

— Договор считается заключенным, — объявляет Елена Викторовна. — Поздравляю, Анастасия Сергеевна. Теперь вы жена Марата Константиновича.

Жена. Звучит как приговор.

Я смотрю на свои дрожащие руки, на обручальное кольцо, которое мне еще предстоит надеть через три дня на церемонии. На палец, где нет ни карата, но есть привязанность к человеку, которого я ненавижу.

— Вера проводит вас до машины, — говорит Марат, поднимаясь из-за стола. — Завтра в одиннадцать встреча с моим дедом. Будьте пунктуальны.

Он выходит из переговорной, даже не взглянув на меня. Я смотрю ему вслед.

И думаю, что ты даже не знаешь, Марат Волгин, на что способна девушка, у которой отняли всё, кроме гордости.

Только что ты купил меня на год.

Но посмотрим, кто кого.

Представляю вам еще одну книгу литмоба "Фиктивный брак" <https://litnet.com/shrt/kSi2>

Глава 4. Первый день в клетке

Переезд занял три часа.

Три часа, чтобы собрать остатки своей жизни в две картонные коробки и один старый чемодан на колесиках, у которого сломана ручка. Три часа, чтобы в последний раз пройти по пустой квартире, где каждая трещина на стене напоминала о том, как низко мы упали.

Я не брала почти ничег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.